

А. ДУККОН*

КОНЦЕПТ «НАРОД-БОГОНОСЕЦ» В ЛИТЕРАТУРНОМ ОКРУЖЕНИИ ДОСТОЕВСКОГО И ИКОНА «СТРАШНЫЙ СУД» В ИСТОЛКОВАНИИ Ф. И. БУСЛАЕВА

Ключевые слова: Буслаев, Страшный Суд, Достоевский, эсхатология, славянофилы, спасение народов, Апокалипсис, Мышкин.

В статье анализируются явления в области русской культуры XIX в., во многом определяющие духовную атмосферу эпохи. Автор сосредоточивает внимание на следующих темах: 1. Научные исследования древнерусских литературных, исторических и художественных памятников и их публикация; деятельность таких ученых, как Ф. И. Буслаев. 2. Влияние этой деятельности на конкретных творцов литературы, среди них на Достоевского (сюжеты и мотивы в его романах, связывающиеся с древнерусскими памятниками, опубликованными и истолкованными в научных журналах середины XIX в.). 3. Подлинник иконы «Страшный Суд» и связь его со славянофильскими идеями, переосмысление концепта «народ-Богосец» среди русской интеллигенции, разные понимания исторической судьбы и призвания народов. Эсхатологические видения и их художественные отражения у Ф. М. Достоевского и Вл. Соловьева.

I

Художественный мир Достоевского — и каждого великого творца мировой культуры — время от времени заставляет исследователей возвращаться к таким темам, которые на первый взгляд кажутся уже исчерпанными, но вдруг блеснет какая-то неожиданная мысль, побуждающая к новым поискам и разгадыванию глубины этого мира. Мои размышления о возможной духовной связи между древнерусскими памятниками (в том числе подлинником иконы «Страшный Суд») и идеей «народа-Богосеца» были вызваны параллельным чтением произведений Достоевского и некоторых научных исследований Ф. Буслаева, а также под-

* Агнеш Дуккон, д-р филол. наук, профессор Института славянской и балтийской филологии (Университет им. Л. Этвеша, Будапешт) — dukkonagnes@gmail.com.

тверждены статьями В. А. Котельникова¹ и Л. Гр. Сухотиной². Кроме этого, и Г. В. Старостина затронула подобный вопрос на страницах журнала «Русская литература»³. Исследовательница указывает на те филологические и поэтические связи, которые обнаруживаются между некоторыми образами и мотивами романа «Преступление и наказание» и «Повестью о Горе и Злочасти». Ф. Буслаев опубликовал свою статью в «Русском вестнике» 1856 г., вскоре после открытия текста древнерусского произведения Александром Пыпиным. В анализе Буслаева центральное значение получают многосоставная тема пьянства и мотив блудного сына. Старостина доказывает, что Достоевский знал эту работу знаменитого филолога и использовал ее при создании «Преступления и наказания», образов Раскольникова, Мармеладова и Свидригайлова. В статье Буслаева упоминается и другое древнерусское произведение, «Легенда о бражнике», в которой идет речь о кротком пьянстве, когда человек прибегает к алкоголю из-за слабости и горя. Буслаев приводит параллель между положением пореформенной России и кризисным, переходным временем XVII в.: широкие круги русского общества переживали беспомощность и бесперспективность, и утоление и забвение страданий нашли в пьянстве. В образе Мармеладова перекликаются мотивы из упомянутых древнерусских источников, Старостина тщательно прослеживает их в тексте романа. Заметим, что Достоевского интересовала проблема пьянства русского народа на протяжении всей жизни, например в его раннем романе «Неточка Незванова», в образе Ефимова, а позже и в других произведениях и статьях «Дневника писателя». В одной из них (22, 29) он рассказывает эпизод, когда в мае 1837 г. он ехал с отцом и старшим братом в Петербург «определиться в Главное инженерное училище», и случайно на почтовой станции стал свидетелем сцены, когда пьяный фельдъегерь беспощадно бил без всякой причины ямщика при обмене запряжки, а тот — лошадей, с такой же беспощадностью. По поводу этого воспоминания писатель размышляет о страшной перспективе всенародного пьянства и других видов разврата, и призывает Общество покровительства животным «хоть немного поспособствовать устранению первоначальных причин» (22, 29–30).

Буслаев связывает сюжет «Горя-злочастиа» с жанром средневековых плясок смерти (*dance macabre*). Известно, что в XIV в. в Европе свирепствовали страшные эпидемии чумы, вследствие чего появились

¹ Котельников В. А. Апокалиптика и эсхатология у Достоевского // Русская литература. 2011. № 3. С. 51–67.

² Сухотина Л. Г. Достоевский в общественной мысли России второй половины XIX — начала XX века // Вестник томского государственного университета. 2003. № 277. С. 64–72.

³ Старостина Г. В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и статья Ф. И. Буслаева «Повесть о Горе и Злочасти, как Горе-Злочаствие довело молодца во иноческий чин» (средневековые жанры в структуре романа) // Русская литература. 2004. № 3. С. 143–159.

различные эсхатологические и апокалиптические ожидания, визуальные отражения их сохранились на миниатюрах кодексов, на стенах и воротах кладбищ и на календарных иллюстрациях⁴, на гравюрах по дереву. В России возникли и дошли до наших дней такие изображения еще с XVII–XVIII вв. в рукописных Синодиках с миниатюрами. Старостина усматривает логику плясок смерти в аргументах Раскольникова и Ивана Карамазова, которые — указывая на длинную вереницу страдающих и униженных людей — бунтуют против творения Бога. По концепции Буслаева, в повести о Горе-Злочиении литературная традиция и визуальный формат темы — лубочное изображение, генетически связывается с жанром европейских плясок смерти. Форма диалога (*certamen* — прение), борьба человека со смертью, является одним из общих поэтических элементов; среди русских духовных стихов встречаются подобные тексты, в их числе можно упомянуть стих «Об Анике-воине»⁵. Отражение этой формы в «Преступлении и наказании» Старостина усматривает в сне Раскольникова о смеющейся старухе. В заключение она утверждает, что статья Буслаева открывала для читателя XIX в. перспективу в прошлое, в средневековье или еще более глубокую древность и Достоевский как читатель Буслаева очень хорошо почувствовал и понял эти связи «большого времени». Мы привели главные моменты этой статьи в качестве введения к нашей гипотезе о возможной духовной связи другого труда Буслаева с воззрениями Достоевского об исторической судьбе русского народа.

II

Буслаев в 1861 г. опубликовал в Санкт-Петербурге двухтомный сборник «Исторические очерки русской народной словесности и искусства», в котором большая глава посвящается теме *Страшного суда*: «Изображение Страшного Суда. По русским подлинникам». В первом абзаце автор определяет не только цель своих исследований, но и отношение к выбранной теме — и его точка зрения важна для данной статьи.

«Особенно приятно в древнерусской литературе и искусстве остановиться на таких явлениях, в которых более или менее принимала участие фантазия народная и которые возникали и развивались не слу-

⁴ В XVI в. в Западной и Средней Европе издавались календари с резьбой по дереву, иллюстрирующие пляски смерти и картины адских мучений. Автору настоящей статьи довелось познакомиться с этим материалом в венгерских, польских, венских и оксфордских библиотеках. Один французский экземпляр такой апокалиптической тематики хранится в Национальной библиотеке в Вене: *La grant kalendrier et compost des Bergiers* <...> a Troyes, 1529. На страницах календаря изображаются муки грешников в аду, в том числе наказание пьяных и развратников. Можно заметить интересную схожесть в техническом оформлении и идейном содержании между этими иллюстрациями и картинами подлинника, истолкованного Буслаевым.

⁵ Сборник русских духовных стихов / Сост. В. Варенцовым. СПб., 1860.

чайно, не под чужим влиянием и не в тесных пределах, которыми ограничивались интересы наших древних писателей, а на более широких основах, определяемых нравственными и умственными интересами целого народа (курсив мой. — А. Д.). К таким явлениям, бесспорно, принадлежат поэтические и живописные изображения *Страшного Суда*⁶.

Исторический и эстетический анализ подлинника автор начинает с изложения его содержания, т. е. живописного изображения *Страшного суда* на основе двух рукописей XVIII в., принадлежащих графу С. Г. Строганову. Буслаев замечает, что эти подробные описания подлинников сопоставимы с лубочными картинками, сохранившимися на стенах и воротах храмов, и добавляет, что такого рода образцы раннехристианского искусства интересны для науки не только из-за их художественных и технических свойств, но и их идейное содержание достойно пристального внимания. Один такой аспект изображения Страшного Суда заставил меня связать эту традицию с концептом «народ-Богоносец», ставшим со всеми его оттенками одним из центральных вопросов в русской культуре XIX в., например у славянофилов⁷ и у Достоевского.

В очерке Буслаева мы получаем подробный разбор точек соприкосновения между византийскими и русскими подлинниками, указывается и на общие, западные источники. По утверждению автора, русский *Страшный суд*, «перенесенный <...> из Византии, предлагает замечательное сходство как с византийскими изображениями, так и с древнейшими западными, пошедшими из одного источника с нашим»⁸.

Одно из главных различий проявляется в том, что на русских иконах контаминируются две разные темы, а именно: *Второе пришествие Христа* и собственно *Страшный суд*. На византийских иконах они изображаются отдельно. Самую существенную связь с византийским пониманием Буслаев усматривает в символических образах, уходящих корнями во времена раннего христианства. Мы не будем подробно говорить об этих мотивах, а вернемся к теме, которая — на наш взгляд — в разных вариациях просвечивает в идейной ткани литературных и публицистических произведений Достоевского.

Это — оживление архаической идеи *спасения народов*, иными словами, вопросы исторической и эсхатологической судьбы народов.

⁶ Буслаев Ф. И. Изображение Страшного Суда. По русским подлинникам // Древнерусская литература и православное искусство. СПб., 2001. С. 187.

⁷ Я имею в виду в числе прочих статьи А. С. Хомякова «О старом и новом» (1838–1839) и К. С. Аксакова «Об основных началах русской истории». У обоих авторов важными являются понятия «народ», «земля», «государство». Аксаков верит в то, что Россия хранит истинные начала: «Истинный христианин, если бы и пал он, не оставляет своей веры, но в ней самой находя исцеление, остается на истинном пути. Россия нашла истинные начала, никогда не изменяла им, и святая взаимная доверенность власти и народа, легшая в основу ее, долго неизменно в ней сохранилась» (<http://www.rulit.me/books/ob-osnovnyh-nachalah-russkoj-istorii-read-395387-6.html> (дата обращения 29.06.2016)).

⁸ Буслаев Ф. И. Изображение Страшного Суда. С. 189.

Из этой почвы вырастает концепт «народ-богоносец», т. е. народ избранный, которому суждено особенное призвание, представление и выявление всечеловеческого начала, как утверждает Достоевский в очерке «Пушкин». Буслаев уделяет внимание тем элементам русского мотива Страшного Суда, которые характерны лишь для русской трактовки темы. Вместо отдельных исторических личностей, преследующих христиан на греческих изображениях (например императора Диоклетиана) или вместо драматизма страсти и радости обновленного бытия в *Страшном Суде* Луки Синьорелли русский подлинник показывает крупные, массовые события, покоряет наблюдателя своим широким эпическим размахом. В русском толковании господствует карающий, наказывающий характер Суда, а не помилование и радость воскресших, как у Луки Синьорелли. Но и не то трагическое настроение фигур Микеланджело, где борение жизни и смерти разыгрывается в личных судьбах. На фресках Микеланджело мы видим отдельных людей, личностей, а не массы. В русском подлиннике изображаются эпизоды и чудовищные фигуры царства Антихристового. Целые царства, а не личности призываются к ответу в День Судный. Исчисляются народы, сошедшие на Страшном Суде, и разделяются на праведные (греки, от которых пришли проповедники к князю Владимиру) и на неправедные, как евреи, магометане, немцы, ляхи-католики, которые не умели понять Христа, или литовцы, бывшие еще язычниками. В X в., цитирует Буслаев свидетельство древних летописей, в том числе и *Повесть временных лет* Нестора, проповедники христианской веры (византийские священники) не раз обращали князей к новой вере толкованием Страшного Суда, пугали их адскими мучениями, царством Антихриста и исторжением из милости Промысла.

Буслаев указывает: «Эти изображения Страшного Суда должны были отобразить в себе необъятную картину того всемирного средневекового движения, в котором одни народы сменяются другими, и вот они в своем шествии по временному пути истории внезапно останавливаются в этих изображениях Страшного Суда, для того чтобы своим ответом перед Вечным Судьей определить свое вечное, непреходящее значение в судьбах мира»⁹.

Значит, в этой архаической концепции появляется ставка на жизнь и на смерть в историческом — и даже в эсхатологическом измерении.

Другой важный момент анализа Буслаева: он считает явление народов перед Страшным Судом самым древним и самым характерным мотивом русского изображения. В подлиннике отражается разделение церкви на восточную и западную, а римское царство названо Антихристовым. По словам автора, русский Страшный Суд «остановился на эпохе принятия Русью христианской веры и в своем художественном развитии не пошел дальше, разве только осложнился некоторыми впоследствии

⁹ Буслаев Ф. И. Изображение Страшного Суда. С. 195.

вставленными в него эпизодами. Но общий состав сохранился в своем первобытном виде»¹⁰. Именно техническая и художественная неразвитость и наивность раннего русского искусства сделали возможным выражение таких неподвижных идей, которые уже не поддавались изображению в западной живописи. Эрудиция живописца и уровень развития его творческой индивидуальности уже не давали западным художникам довольствоваться более внешними, обобщенными мотивами, как пишет Буслаев. Чтобы противопоставить язычество христианству, это наивное мировидение собрало «в День Судный к последнему ответу на Страшном Суде целые царства и народы»¹¹. Ученый подчеркивает, что русский подлинник «сохранил до наших времен это первобытное представление, составленное в эпоху перехода от язычества к христианству, когда еще свежи были в памяти предания о всемирном движении народов»¹².

III

Буслаев в начале статьи обращает внимание на народную фантазию, на широкие нравственные и умственные интересы народа, которые сохранились во многих документах старины. В разборе подлинника он показывает историческую преемственность идеи эсхатологической судьбы народов, среди них и русского. Мысль спасения или осуждения целого народа в XIX и в начале XX в. охватила многие умы в России и в других культурах. С момента появления «Философических писем» Чаадаева через полемику славянофилов и западников о прошлом и будущем России чередовались друг с другом различные историософские концепции, и параллельно продолжалась серьезная филологическая работа (открытие и издание древних памятников культуры, собирание и опубликование текстов народного поэтического творчества¹³), которая предоставляла важные материалы как для теоретических прений, так и для искусства. Что касается спасения или осуждения определенного народа, интересной аналогией или, вернее, контрапунктом к русскому концепту «народбогоносец» может служить поэзия венгерского поэта-символиста, Эндре Ади (Ady Endre, 1877–1919): под влиянием трагического мироощущения перед I Мировой войной ему мерещится угрожающая перспектива для венгерского народа, которого Бог из-за чужих и собственных грехов просеивает сквозь решето времени¹⁴. Эта идея в венгерской культуре тоже

¹⁰ Буслаев Ф. И. Изображение Страшного Суда. С. 197.

¹¹ Там же. С. 198.

¹² Там же.

¹³ Имеется в виду деятельность братьев Киреевских и А. Афанасьева, но сюда можно отнести и научные труды Буслаева.

¹⁴ Параллель не совсем произвольная, потому что в творчестве Э. Ади можно обнаружить такие же страстные искания Бога, как у Достоевского; проблема личности и эсхатологические видения о судьбе народа одинаково волновали и его. Венгерский кальвинистский

имеет долгую историю: после поражения в битве с турками в 1526 г. средневековое Венгерское королевство распалось на три части, и с тех пор трагическое мироощущение (живем на краю пропасти) осталось главным лейтмотивом нашей литературы, с XVI в. постепенно развивался концепт «народ кающийся», понятие более пессимистическое, чем «народ-богоносец». Новая активизация этого концепта происходит также в XIX в., параллельно с аналогичным процессом в России.

Полемика славянофилов и западников является линией водораздела в понимании исторической и провиденциальной роли народа (см. вышеупомянутую статью Сухотиной, прим. 2). В произведениях Достоевского концепт «народ-богоносец» появляется с разнообразными оттенками и в различных соотношениях, об этом в научных и философских дискуссиях было сказано достаточно много¹⁵; в «Пятикнижии» встречаемся с этим концептом в «полифонических ситуациях», т. е. на стыке противоположных идей и точек зрения. Мы теперь ссылаемся лишь на несколько примеров. В «Идиоте», в салоне Епанчиных князь Мышкин восторженно говорит о «русском Боге и Христе» и о русской мысли, которые способны обновлять и воскресить русского человека для новых подвигов — и вся его «тирада» сопровождается недоумением присутствующих (ч. 4, гл. VII). В «Бесах», в разговоре Шатова со Ставрогиным обсуждается связь народа и Бога, и в этой ситуации также обнаруживается противоположное понимание «народа-Богоносца» у спорящих друг с другом персонажей. С точки зрения Ставрогина Шатов низводит Бога до народности, а Шатов видит ситуацию в противоположном смысле, он хочет вознести народ до Бога (ч. 2, гл. 2, VII). В очерках «Дневника писателя» и в Пушкинской речи эта мысль варьируется в различных контекстах, и хотя здесь звучит авторское мнение, но все-таки не как монолог, а в форме полемики, имитируя разговор с воображаемым читателем или подразумевая потенциальные возражения современников.

Эпоха, на протяжении которой продолжалась огромная работа в области словесности и обнаруживались и публиковались памятники древней русской культуры, каким-то таинственным движением подняла из глубины времен архаические и одновременно вечные идеи и вопросы о том, каково место народов в Божьем Промысле. Но современные духовные веяния подчиняли духовные искания запросам индивида:

богослов, Ласло Ватаи (1914–1993), опубликовавший монографию о Достоевском (1942) и о творчестве Ади (1954, Toronto, Kanada), назвал поэта «венгерским Достоевским». Подробнее см.: Дуккон А. Рецепция Достоевского в Венгрии в 1920–1940-е годы в ключе экзистенциальной философии // *Studia Slavica Hungarica*. 2007. N 52/1–2. С. 87–94.

¹⁵ Среди многих русских и зарубежных трудов я имею в виду труды Бердяева о Достоевском; из новых исследований я здесь упомяну польскую монографию: Broda M. „Zrozumieć Rosję”? O rosyjskiej zagadce-tajemnicy. Łódź, 2011, и работу Рудольфа Нойхойзера: Neuhäuser R. F. M. Dostojewskij: Eine Studie zur russischen Mentalität einst und heute. Historische Wurzeln und Interpretationen // Gerigk H.-J., Neuhäuser R. Dostojewskij im Kreuzverhör. Ein Klassiker der Weltliteratur oder Ideologe des neuen Rußlands? Heidelberg, 2008. S. 47–113.

вместо «массового спасения» и «осуждения» поднимались вопросы личного спасения. В Ветхом Завете ярче отражаются древнейшие представления о движении и судьбах народов в земных обстоятельствах, например искание обетованной земли, — хотя всегда вместе с отдельными, человеческими судьбами. Народ и личность избираются на спасение Богом или Богом же отвергаются в случае заблуждения. Новый Завет открывает *внутреннего человека*, Слово Иисуса обращается к личности, а в видениях Откровения Святого Иоанна Богослова представляются опять массы, множества людей — но они составляют уже не этнические группы, а разделяются на избранных и осужденных. Это апокалиптическое движение происходит не в горизонтальной плоскости, как движения народов в Ветхом Завете, а в вертикальной, оно уже направляется к завершению земной истории, к эсхатону. У русских мыслителей в XIX в. вопросы русской истории, уроки прошлого и надежды будущего часто проявляются именно в этих крупных, библейских и апокалиптических перспективах, например в «Философических письмах» Чаадаева и в философии Вл. Соловьева. В кружке Станкевича в 1830-х гг. осмысление философии Гегеля привело к оправданию величественного хода истории по замыслу Провидения, в котором растворяется единое; оно привело к утверждению «Всеобщего» против «Индивидуального». В переписке Станкевича, Белинского и Михаила Бакунина отражается вся драматичность этого противопоставления¹⁶, и потом разочарование в «Всеобщем» побуждало — особенно Белинского — искать новую философию, которая ответила бы на вопросы личности. В европейской философии ответы Кьеркегора и Ницше оправдывают личность, но в их мышлении нет места для провиденциальной судьбы народов в этническом значении. Тема, остающаяся актуальной для русской интеллигенции до конца века и даже еще дальше, провоцирует в каждом поколении острые споры или глубокие размышления, как, например, для писателей и философов Серебряного века. Спасение всенародное, судьба и призвание данного (русского) народа и запросы личности одинаково волнуют Достоевского, Вл. Соловьева и многих других мыслителей (К. Леонтьева, С. Булгакова). Великий инквизитор Ивана Карамазова противопоставляет коллективное счастье тяжелому бременю свободы и предлагает профанное, земное и временное спасение (т. е. эфемерное детское счастье) народу вместо вечного, божественного. В этом контексте «народ» — не этнос, а лишь толпа, т. е. безличная масса людей.

В. А. Котельников цитирует подготовительные записи Достоевского к «Бесам», слова писателя, которые отождествляют Запад с Римом,

¹⁶ Об этой теме автором настоящей статьи было написано несколько статей и книга. Из последних работ я ссылаюсь на следующие: *Дуккон А.* Диалог текстов: «голос» В. Г. Белинского в «Записках из подполья» Ф. М. Достоевского // *Культура и текст.* 2013. № 1 (14). С. 4–29 URL: <http://elibrary.ru/contents.asp?issueid=1130115> (дата обращения 23.12.2016); *Dukkon A.* «Два голоса Белинского»: личность и призвание // *Raźny A. (red.)* Tożsamość, indywidualizm, wspólnotowość w kulturze rosyjskiej. Kraków, 2014. S. 72–83.

т. е. блудницей Апокалипсиса. В этой записи, как пишет ученый, «выдвигается уже реальный, этноконфессиональный субъект “правого и славного вечного исповедания Христа”» — т. е. русский народ («Мы несем 1-й рай 1000 лет, и от нас выйдут Энох и Илия, чтобы сразиться с антихристом, т. е. с духом Запада» (11, 167–168))¹⁷. Это свидетельствует о том, что в мировоззрении Достоевского в широком диапазоне сочетались такого рода «этноконфессиональные» мысли и спиритуальные вопросы личности.

В историческом контексте народы имеют определенный, отдельный характер, образно выражаясь, «лицо» — мы имеем дело с «этносом»; в апокалиптической перспективе все исторические, земные свойства, которые конституируют «этнос», упраздняются; когда и где «времени не будет», тогда и там не будет и народов в этническом смысле. Народ эсхатологии: соединение обращенных, воскресших личностей, и нет смысла говорить о русском, немецком или любом другом «историческом» народе. Народ же «великого инквизитора» или Антихриста — антипод этого понимания: безликая, неопределимая толпа, действующая стихийно и одновременно жертва злых сил. Наконец, концепт «народ-богоносец» включает в себе положительные, противоречивые и анахронистические коннотации: можно понимать его в ветхозаветном смысле (Богом избранный народ) или же как контаминацию средневековых — исторических и эсхатологических соображений.

В произведениях Достоевского встречаются все упомянутые оттенки: отрицательные, например, в поэме Ивана Карамазова как угрожающая возможность появляется перспектива оглушенной толпы. В представлениях, мечтах, желаниях других персонажей смешиваются эсхатологические и земные аспекты концепта, «этнос» (русский народ) в роли избранного Богом на великий подвиг, как пример другим народам (в мечтах Шатова и Мышкина). Это понимание можно отнести к архаическому изображению Страшного Суда, проанализированного Буслеевым: народ «в своем шествии по временному пути истории» остановился на стадии средневековья, уже обращенный в христианскую веру, но прикованный к «матери сырой земле». Представление духовно перерожденного, по-настоящему к эсхатону приготавливающегося народа вырисовывается в видениях Зосимы и Алеши Карамазова. В «Дневнике писателя» также можно уловить мелькание этих оттенков: есть исповедальные слова писателя, в которых выражается вера в русский народ, восхваляются его положительные качества, есть и социологически-подробный анализ и заметки о его моральном падении (пьянство, разврат, самоубийство) — но из них трудно (и бессмысленно) пытаться приписать писателю одну определенную концепцию. Скорее всего, он в душе переживал все эти оттенки, «испробовал» их — иначе он и не мог бы воплотить их в литературных образах. На мой взгляд, поэтому и нет смысла обвинять Достоевского в национализме или чрезмерном пристрастии к русскому народу

¹⁷ Котельников А. Апокалиптика и эсхатология у Достоевского. С. 57.

или использовать одну сторону из корпуса его идей для утверждения избранной роли русского народа в мировой истории: он мог вопреки собственным чувствам и пристрастиям — или же вместе с ними — в эсхатологической перспективе думать об истории человечества, его духовное наследие — во всем разнообразии — является цельным¹⁸.

Народы и царства движутся и в видении Вл. Соловьева: разделение на праведных и неправедных в «Повести об антихристе» показывает идейную близость с вышеупомянутым русским подлинником. В этом произведении сошествие народов, напоминающее архаическое изображение подлинника, совершается перед Антихристом (!), а не Вечным Судьей, но в конце повести воскресение праведных и образ девы указывают на последние дни, когда история достигает своего конца и «времени больше не будет». Философия Соловьева к концу творческого пути отходит от идеи исключительной исторической роли русского народа, в признанном им универсализме интегрируются отдельные интересы и цели народов. Соединение символических представителей Запада и Востока — папа Петр, старец Иоанн и доктор Паули — очерчивает перспективу наднационального процесса: человечество разделяется на праведных и неправедных, но размежевание проходит уже не по народам и царствам, а по высшим моральным и мистическим качествам людских групп. Как раз и в этой концепции можно уловить что-то из Достоевского: праведные люди Соловьева составляют уже не массу, не толпы по внешним или природным признакам, а представляют собой прозревших, духовно перерожденных личностей, когда каждый за каждого отвечает, после мистического обращения «моментально», «вдруг», под знаком братской любви (см. «учения» Зосимы). Утопия, мечта и вера Достоевского колебались между этими противоположными берегами реки бытия: от любимого, святого народа-богоносца до христообразного, перерожденного человека.

В заключение следует сказать: тайна древнерусских памятников, научное толкование их современником Достоевского, Буслаевым, идейные искания русской интеллигенции в XIX в., столкновения религиозных и философских концепций вместе производят такое силовое поле, которое для исследователя всегда может дать повод к размышлениям и более глубокое понимание вещей.

¹⁸ В трактате Рудольфа Нойхойзера критикуется именно использование идей Достоевского ради различных национальных соображений; эти стремления сужают художественную цельность творчества писателя. По его мнению, в современном русском достоевведении резко выступают на передний план те же мессианские концепции об избранности русского народа, значении православия в русской (и мировой) истории, о которых шли споры в XIX в. Немецкий ученый в защите цельности и художественности творчества Достоевского против идеологических переосмыслений, ставит вопросительный знак к этим новым интерпретациям. См. гл.: *Der Mythos in Aktion. Die Dostojewskij-Rezeption in Rußland nach der Wende: Drei Beispiele*. S. 82–90; *Eine russische Mentalität? Auf der Suche nach einer Erklärung für den "Sonderweg" Rußlands*. S. 94–98, в книге *Dostojewskij im Kreuzverhör* (см. примеч. 16).

Библиографический список

Аксаков К. С. Об основных началах русской истории // [Аксаков К. С.] Полное собрание сочинений Константина Сергеевича Аксакова. Т. I. М., 1889. С. 11–24.

Буслаев Ф. И. Изображение Страшного Суда. По русским подлинникам // Древнерусская литература и православное искусство. СПб., 2001. С. 187–201.

Варенцов В. (сост.) Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860.

Дуккон А. Рецепция Достоевского в Венгрии в 1920–1940-е годы в ключе экзистенциальной философии // *Studia Slavica Hungarica*. 2007. № 52 (1–2). С. 87–94.

Дуккон А. Диалог текстов: «голос» В. Г. Белинского в «Записках из подполья» Ф. М. Достоевского // *Культура и текст*. 2013. № 1 (14). С. 4–29. URL: <http://elibrary.ru/contents.asp?issueid=1130115> (дата обращения 23.12.2016).

Котельников В. А. Апокалиптика и эсхатология у Достоевского // *Русская литература*. 2011. № 3. С. 51–67.

Старостина Г. В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и статья Ф. И. Буслаева «Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молодца во иноческий чин» (средневековые жанры в структуре романа) // *Русская литература*. 2004. № 3. С. 143–159.

Сухотина Л. Г. Достоевский в общественной мысли России второй половины XIX — начала XX века // *Вестник томского государственного университета*. 2003. № 277. С. 64–72.

Хомяков А. С. О старом и новом. Статьи и очерки / Под ред. Г. М. Фридендера. М., 1988.

Broda M. „Zrozumieć Rosję”? O rosyjskiej zagadce-tajemnicy. Łódź, 2011.

Dukkon A. «Два голоса Белинского»: личность и призвание // *Raźny A. (red.), Tożsamość, indywidualizm, wspólnotowość w kulturze rosyjskiej*. Kraków, 2014. P. 72–83.

Le grant calendrier et compost des Bergiers avecq leur. Astrologie. Et plusieurs aultres choses. Imprime nouvellement a Troyes par. Nicolas le Rouge, 1503.

Neuhäuser R. F. M. Dostojewskij: Eine Studie zur russischen Mentalität einst und heute. Historische Wurzeln und Interpretationen // *Gerigk H.-J., Neuhäuser R. Dostojewskij im Kreuzverhör. Ein Klassiker der Weltliteratur oder Ideologe des neuen Rußlands?* Heidelberg, 2008. S. 47–113.

Vatai L. Dostojewszkij. A szubjektív életérzés filozófiája. 2. kiadás. Budapest, 1944.

Dukkon A. Concept “Narod-Bogonosets” in the literary environment of Dostoevsky — at the context of the pattern-book of icon *Last Judgement*, interpreted by F. Buslaev

Key words: Buslaev, Last Judgement, Dostoevsky, eschatology, Slavophiles, salvation of nations, Apocalypse, Myshkin.

This article analyses those phenomena of 19th-century Russian culture, which greatly determined the spiritual atmosphere of the era. The author focuses on the following themes: 1. The scientific research done into the old Russian literary, historical and artistic documents and their editions; F. I. Buslaev’s

substantial work in the field of Russian culture. 2. The influence of these scholarly investigations and text editions on, among others, the oeuvre of Dostoevsky (subjects, motives in his novels that originate directly or indirectly from the old Russian culture). 3. The pattern-book (*podlinnik*) of the icon *Last Judgement* and its connection with the ideas of the Slavophiles, the reinterpretations of the concept “Narod-Bogonosets” by Russian intellectuals; the different explanations of historical fate and mission of nations. The eschatological visions and their artistic reflections in the works of Dostoevsky and Vl. Solov’ev.

References

- Aksakov K. S. Ob osnovnyh načalah ruskoj istorii. [Aksakov K. S.] *Polnoe sobranie sočinenij Konstantina Sergeeviča Aksakova*. Vol. I. Moscow, 1889. P. 11–24.
- Broda M. „Zrozumieć Rosję”? *O rosyjskiej zagadce-tajemnicy*. Łódź, 2011.
- Buslaev F. I. Izobraženie Strašnogo Suda. Po russkim podlinnikam. *Drevnerusskaâ literatura i pravoslavnoe iskusstvo*. Saint Petersburg, 2001. P. 187–201.
- Dukkon A. Recepciâ Dostoevskogo v Vengrii v 1920–1940-e gody v kliuče existencial’noï filosofii. *Studia Slavica Hungarica*. 2007. N 52 (1–2). P. 87–94.
- Dukkon A. Dialog tekstov: “golos” V. G. Belinskogo v “Zapiskah iz podpol’â” F. M. Dostoevskogo. *Kul’tura i tekst*. 2013. N 1 (14). P. 4–29. URL: <http://elibrary.ru/contents.asp?issueid=1130115> (date of access 23.12.2016).
- Dukkon A. “Dva golosa Belinskogo”: ličnost’ i prizvanie. Ražny A. (ed.) *Tożsamość, indywidualizm, wspólnotowość w kulturze rosyjskiej*. Kraków, 2014. S. 72–83.
- Homiâkov A. S. *O starom i novom. Stat’i i očerki*. Ed. G. M. Fridlender. Moscow, 1988.
- Kotel’nikov V. A. Apokaliptika i eschatologiâ u Dostoevskogo. *Russkaâ literatura*. 2011. N 3. P. 51–67.
- Le grant calendrier et compost des Bergiers avecq leur. Astrologie. Et plusieurs aultres choses*. Imprime nouvellement a Troyes par. Nicolas le Rouge, 1503.
- Neuhäuser R. F. M. Dostojewskij: Eine Studie zur russischen Mentalität einst und heute. Historische Wurzeln und Interpretationen. *Gerigk H.-J., Neuhäuser R. Dostojewskij im Kreuzverhör. Ein Klassiker der Weltliteratur oder Ideologe des neuen Rußlands?* Heidelberg, 2008. S. 47–113.
- Starostina G. V. Roman F. M. Dostoevskogo “Prestuplenie i nakazaniâ” i stat’â F. I. Buslaeva “Povest’ o Gore i Zločastii, kak Gore-Zločastie dovelo molodca vo inočeskiï čin” (srednevekovye žanry v strukture romana). *Russkaâ literatura*. 2004. N 3. P. 143–159.
- Suhotina L. G. Dostoevskiï v obščestvennoï mysli Rossii vtoroï poloviny 19 — načala 20 veka. *Vestnik tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2003. N 277. P. 64–72.
- Varencov V. (ed.) *Sbornik russkih duhovnyh stihov*. Saint Petersburg, 1860.
- Vatai L. *Dosztojevszkij. A szubjektív életérzés filozófiája*. 2. Kiadás. Budapest, 1944.